

9 ноября в Ростове-на-Дону после тяжелой, продолжительной болезни скончался выдающийся дирижер, народный артист России, художественный руководитель и главный дирижер Академического симфонического оркестра Санкт-Петербурга и Академического симфонического оркестра Ростовской филармонии, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории **Равиль Энверович Мартынов**.

Равиль Мартынов родился 16 июня 1946. В 1969 окончил Ленинградскую консерваторию по классу хорового дирижирования проф. Е. Кудрявцевой, а в 1973 — Московскую консерваторию по классу симфонического дирижирования у проф. Л. Гинзбурга и проф. К. Кондрашина. Аспирантуру закончил в Ленинградской консерватории у проф. И. Мусина в 1980. В 1982–83 проходил стажировку под руководством Е. Мравинского в Заслуженном коллективе Республики Симфоническом оркестре Ленинградской филармонии. Лауреат Второго Всесоюзного конкурса дирижеров (1983).

В 1986 Р. Мартынов возглавил Ленинградский оркестр старинной и современной музыки, который, благодаря дирижерскому и организаторскому таланту руководителя, из камерного оркестра вырос в полноценный симфонический, достиг высоких художественных результатов и получил в 1995 звание «Академический». Коллектив неоднократно гастролировал в Испании, Японии, Мексике, Германии, Китае, Финляндии. В 1998 оркестр под руководством Р. Мартынова совершил беспрецедентный концертный тур по США от западного до восточного побережья — дал за два месяца 50 концертов.

Параллельно с работой в Ленинградском академическом симфоническом оркестре, Равиль Энверович в 1992 возглавил и Симфонический оркестр Ростовской филармонии. Мартынов буквально заново воспитал этот коллектив, который на смотре российских оркестров занял почетное место и получил звание «Академический».

Блистательный педагог, профессор Равиль Мартынов воспитал в стенах Ленинградской — Санкт-Петербургской консерватории плеяду талантливых дирижеров, ныне успешно работающих в оркестрах России и востребованных во многих странах мира. Достаточно назвать художественного руководителя и главного дирижера Карельской филармонии Олега Солдатова, главного дирижера Литовского национального оркестра Гинтараса Ринкявичюса, дирижера Санкт-Петербургского театра музыкальной комедии Игоря Вербицкого, дирижера Краснодарского музыкального театра Андрея Лебедева... Для своих учеников Мартынов оставался высочайшим авторитетом и на протяжении времени обучения, и после окончания ими консерватории.

Безусловно, Мартынова подкосили события последнего времени, когда возглавляемый им Санкт-Петербургский академический симфонический оркестр был лишен репетиционной базы во Дворце Белосельских-Белозерских, а потом и вовсе оказался на грани расформирования. Увы, существование этого талантливого коллектива и сейчас находится под угрозой.

12 ноября с Равилем Мартыновым прощались ростовчане, а 13 ноября в Санкт-Петербургской консерватории состоялась панихида, которая длилась более четырех часов — проститься с любимым дирижером пришли тысячи петербуржцев. Похоронили замечательного музыканта на мемориальном Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга рядом с его любимой учительницей — Елизаветой Петровной Кудрявцевой.

Публикуем фрагменты бесед с Равилем Мартыновым, предоставленные театроведом и журналисткой Наталией ЗОГРАБЯН.

Н. Зограбян: «Равиль Мартынов не хотел говорить о любви и преданности своей профессии журналистам... Когда о музыке начинали говорить преувеличенно, это его раздражало, он замечал, что это сильно вредит самой музыке. Я не музыковед, может быть, поэтому мне удалось однажды «разговорить» Мартынова и в дальнейшем получить у него «кредит доверия». При встречах мы говорили о чем угодно — Мартынов был музыкантом-интеллектуалом, — только не о его концертах. Однажды он сказал: «Дирижер — это дело темное... Дирижирование — психофизиологический акт, который не должен мешать публике слушать музыку, не должен отвлекать ее. Мравинский когда-то мечтал, чтобы за его спиной был толковый занавес... Я тоже иногда мечтаю. В игре надо быть дисциплинированным».

Я никогда и никого ни о чем не просил

Р.М. — Я родился в Ленинграде. С семи лет был определен в хоровое училище при Ленинградском капелле. Древнее заведение, ему больше 250 лет. В нем всегда жесткий конкурс. Когда я поступал, прослушивали 300 человек на 25 мест, закончили через 10 лет всего 9 музыкантов. Те, кто заканчивают, просто ничего другого не умеют, кроме как быть музыкантами. Я несчастный человек, и я по сей день ничего не умею делать. Только вот музыка...

Потом, естественно, Ленинградская консерватория — специальность «хормейстер». Дальше меня рекомендовали в аспирантуру. Но не захотелось заниматься специальностью, которая была известна мне с семи лет. И я совершил первый свой перелет — в Москву, опять в консерваторию на оперно-симфоническое отделение сразу на третий курс. На радостях позвонил в Петербург и решил жениться. В личной жизни я достаточно суров и сам себе поставил условие, что женюсь, только если поступлю в консерваторию. Но после свадьбы моя семейная жизнь сложилась довольно странно: несколько лет я жил отдельно от своей семьи. Сначала меня на год забрали в армию. В нашей стране никогда и никому не делали исключения в этом деле. Но консерваторию я закончил и, конечно, получил распределение не по своему усмотрению. Поскольку я татарин, по просьбе гениального дирижера Натана Григорьевича Рахлина, руководившего Казанским симфоническим оркестром, меня направили в Казань. Когда-то самого Рахлина по партийной линии буквально выслали в этот город и даже не позволяли работать в Москве. Я долго не подписывал распределение, пока Рахлин не сказал: «Ты приезжай, а когда приедешь, уезжай».

— **И вы уехали?**
— Не сразу. Прошло два года, пока я опять не поступил в Ленинградскую консерваторию в аспирантуру, но еще год работал в Казани. Мне два раза в городе давали квартиру, чтоб остался. Первую я тут же отдал: в оркестре мучился хороший валторнист, у него была семья, он преподавал в консерватории и жил в общежитии. А я хорошо знал законы: если кто-то «валится» в новую квартиру, его нельзя выгнать. В моей двухкомнатной была раскладушка, веревка через комнату с развешенными вещами и 200 кг партитур. Я ушел в гостиницу, а валторнист с семьей остался. Через два месяца меня спросили — почему я живу в гостинице, и дали новую, уже обкомовскую квартиру. В этой квартире я сохранил прежнюю обстановку и буквально жил на чужаках. Все мое достояние — те же килограммы партитур.

— **Но времени вы зря не теряли?**
— Нет, конечно. Я отчаянно работал. У меня уже тогда был такой репертуар, что легче сказать, что я не играл. Дирижировал 80–90 концертов в год. Больше 30 сочинений я знал наизусть, многое учил впрок. Такой нагрузки у меня больше никогда не было. Тогда я понял главное — изучать произведение нужно вечно, все равно каждый раз находишь что-то новое, чего раньше в партитуре не заметил. И еще: нужно стремиться точно передать автора, но не себя. Только дилетанты могут говорить о себе. Партитура — как книга, каждый читает свое, но в авторском тексте. В этом и есть момент импровизации. Искусство все может. Кто-то, возможно, увидит в произведении праздник, а другой, наоборот, трагедию.

— **Итак, вы вернулись в Ленинград. Закончили аспирантуру, стали профессором Ленинградского консерватории. Я знаю, вы близко знали Е.А. Мравинского, были рядом с ним в последние годы жизни, проходили у него стажировку?**

— Это долгий рассказ. В силу не зависящих от меня причин, я ждал стажировку шесть лет, после того как в 1976 стал дипломантом международного конкурса дирижеров. Но самое возмутительное препятствие возникло, когда меня вызвали в институт повышения квалификации СССР и зам. министра культуры СССР Кухарский (музыковед, между прочим) откровенно, цинично стал отговаривать: «Вы доцент. Зачем вам это нужно? Вы уже сами все умеете. Он же скоро умрет» и т. д. Я упрямо отвечал: «Хочу пообщаться с последним из могикан. Никого другого не надо». Убедил. Вернулся в Ленинград. Мравинский будто читал мысли. Было впечатление, что он присутствовал при том разговоре: «Что, отговаривал?.. Мне не дают покоя всю жизнь... Я могу и сам уйти, но как? Мы же живем в рабовладельческой стране». До конца его жизни я работал с оркестром Маэстро, и у

меня было много концертов в филармонии. После его смерти количество концертов резко сократилось до одного в год. Но я первый зачинатель концертов памяти именно в день его смерти — 19 декабря. Это право у меня не оспаривает никто.

— **А как вы попали в Ростов?**

— Случайно. По плану Союзконцерта я должен был дирижировать и в Ростове. Обездрил уже полстраны, а в город, официально записанный в моих планах, не звани. Вдруг как-то вечером раздался телефонный звонок. Звонил С. Коган, с которым я не был знаком. Он пригласил меня на концерт. Позже я узнал, что у Когана начались неприятности с оркестром, его вызвали в обком партии. В разговоре В. Чуб обронил фразу: «Да, кстати, что это вы моего родственника не зовете в Ростов?» Коган был потрясен. Дело в том, что с Чубом я был знаком задолго до того, как он стал начальником. Его двоюродная сестра — моя жена. Когда-то он учился в Ленинграде и жил в нашем доме, после того, как его с молодой женой выгнали из общежития.

Итак, я дал концерт в Ростове. Вдруг оркестранты предложили мне взять на себя руководство оркестром. Я отказался. У меня уже был свой оркестр, обязательства перед ним. После долгих уговоров все же заключили договор о том, что я буду совмещать руководство двумя оркестрами. Долго никто не знал, что я родственник Чуба. Оркестр не пользовался никакими особыми благами. Я никогда и никого ни о чем не просил. Мы только кропотливо работали, чтобы получился такой замечательный коллектив. А где еще в России найдется коллектив, в котором играют несколько профессоров консерватории?

Сентябрь 2001

— **Вы были рядом с Мравинским последние годы его жизни. И вас называют любимым его учеником?**

— Нет. Я считаю, все, что его видел и общался, чему-то у него не научился. Каждый что-то приобрел наверняка. У него много было таких ассистентов, как я. Просто получилось так — именно я был последним. Накануне 100-летия неожиданно на меня обрушился шквал звонков. Редакции, каналы телевидения, даже «Радио Свобода» просили интервью. Теперь я могу суммировать смысл того, что в разных вариантах говорил. 4 июня — день его рождения, — совпал с торжествами, связанными с 300-летием Петербурга. Уверен — 50 лет творчества Евгения Александровича и славы Петербурга и всей нашей культуры и искусства принадлежат ему. Мы все ему обязаны.

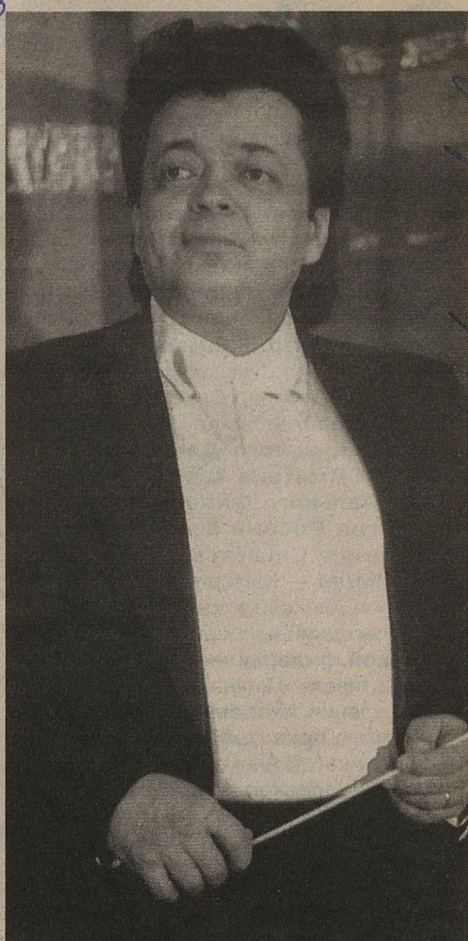
— **И все же, лично Вам что он дал?**

— Переворот в сознании, в моей судьбе. Сейчас уже можно говорить, прошло много времени: когда осуществляется желание, даже через много лет, кажется, что это дано свыше. Парадокс, но в 14 лет я первый раз увидел его за пультом, и у меня возникли к нему вопросы. Хотелось знать, как бы он на них ответил. Прошли годы. В 1982 году я получил ответы, будучи уже рядом с ним. Правда, к этому моменту я и сам отвечал на них, и хотелось услышать или подтверждение, или что-то другое. Я был страшно рад совпадению мнений, хотя многое он конкретизировал.

Часто спрашивают о его власти и суровости. Всегда отвечаю — я этого не замечал. Такими людьми не рождаются, а становятся. Он не был диктатором, он им стал. Такая деталь: попробуй прийти к оркестру с утра, 45 минут репетируй и... свободны до завтра. Зачем вызывал? Выходной дал? У Мравинского бывали каждодневные репетиции, и не все по три часа. Бывали и по 40 минут, и никто не спрашивал «зачем». Все были выжаты, как лимон. И больше не могли играть. Степень накала на репетициях намного выше, чем на концертах. Не было такого — сейчас репетируем, а потом исполняем. Сразу исполняли. Музыканты отдавались музыке и привыкли к этому. Всегда должна быть высшая степень готовности. А это очень трудно.

— **То есть суровым Мравинского сделала жизнь?**

— Всякое было. Поскольку он был легкоранимым человеком. Люди привыкли характеризовать людей искусства как людей божьего образа жизни, свободных, не всегда дисциплинированных в труде. Все им позволено. Он таким не был. В его жизни и искусстве произошло редкое сочетание высокого интеллекта и горячего сердца. Он даже в последние годы вспоминал и говорил: «Ну, я же должен был быть

биологом, должен был заниматься наукой». Когда-то он пару лет проучился в университете и стал очень организованным человеком, четко фиксировал свои знания. Это редкое качество в искусстве, которое пошло ему во благо.

И еще одна сторона характера, мало знакомая всем: этот человек был поэтом! Так любил природу! Когда говорили, что он прекрасно владеет русским литературным языком, то это еще не все. Я бы сказал иначе, его литературный язык — белый стих, особенно если он говорил о природе. В Японии даже сделали запись, где Мравинский говорит некоторые свои эссе... И то, что в конце жизни ему было не очень комфортно жить, я чувствовал. И удивлялся: казалось бы, он уже все в жизни исполнил, но чем-то был недоволен.

— **Вы когда-то рассказывали, что он больше других чувствовал «государственное рабство» в СССР?**

— Не только это. Здесь были и творческие проблемы. Знаете, рядом с ним я научился укрощать свой буйный темперамент. Тоже во благо. Вот сейчас в моде совсем другой способ выражения в искусстве. Он носит характер вечного праздника, как бы на потребу публики. Почувствуйте разницу. У Мравинского стояли совсем другие задачи концерта. Не «концерт-праздник» и «все хорошо отдохнули»... Каждый концерт становился событием! Это значит, что слушатели были приподняты над обыденностью и уходили домой с чувством, что они что-то познали.

— **То есть, чтобы сыграть концерт, нужно четко знать, что ты хочешь от него. Я читала, как Мравинский первый раз, еще в конце 30-х разбил Пятую симфонию Шостаковича. Дмитрия Дмитриевича очень раздражало, как он пытался понять каждый такт, копался...**

— А потом стал ему доверять до конца. Хотя Евгений Александрович и в конце жизни мог наивно признаться в непонимании. Шостакович посвятил ему Восьмую симфонию. Мравинский, много раз ее исполнявший, вдруг сказал: «Вы знаете, я только недавно понял, что Восьмая пронизана единым пульсом». То есть интуитивно он все делал и только потом понял, в чем же тут дело. Вечный поэт. У него интуитивно получалось, но он не понимал, что его тянуло к такому исполнению — единый пульс. Я тоже всегда подозревал интуитивно, что все, что мы делаем — все-таки «из космоса» (смеется). А теперь уверен, что ничего не надо выдумывать, а брать, что придет.

— **Я тоже подозревала, что вы импульсы берете из космоса. Ваши концерты — для многих события. Вы даете их как в последний раз.**

— Эта глупость была в начале моей деятельности. А сейчас немножко распахиваюсь за это здоровьем (опять смеется). Мне казалось, нужно отдавать сочинению всю жизнь сполна. Сочинение — это же рождение ребенка у автора.

— **И дирижер должен принять участие в родах?**

— Так должно быть, к этому надо стремиться. Нельзя все время говорить: «А я так хочу». Дирижер — посредник в данном случае.

Июнь 2003

Мравинский Рахлин (рук.)
1946) 12.06